

ПИСЬМА ПУШКИНА КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР

Н. Л. Степанов

(Москва)

Письма Пушкина мы вправе рассматривать как своего рода литературный жанр, обладающий своими специфическими признаками и конструктивными особенностями. Как отмечал Г. О. Винокур, «Пушкин работал над своими письмами, как над художественной вещью. Письма для него были равносильны литературному факту»¹. Это утверждение слишком заострено. Письма писались Пушкиным по разным практическим поводам, а не как произведение заранее обдуманное и отрешенное от жизненного своего назначения. Когда Пушкин обратился к созданию «Романа в письмах» (не завершено им), то это были во многом иные письма, соотносимые со всем обликом и образами вымышленных персонажей, написанные в их манере и стиле.

В этом плане представляет известный интерес суждение Ю. Айхенвальда: «Его письма не имеют самодовлеющего характера, то есть они не литературны, и не воспринимаешь их как эпистолярную словесность»². Это, во многом противоположное мнение, также не несправедливо — ощущение «нелитературности» писем Пушкина выражает своеобразие их стиля и формы, не укладывающейся в традиционные представления о бытовом, обычном письме. Это, однако, не значит, что письма Пушкина не «эпистолярная словесность»: наоборот, они — высшее проявление этой «словесности», хотя и канонизованы как литературный жанр.

Ведь письма Пушкина не подчинены одному какому-нибудь шаблону: то это дружеский разговор, то критическое «эссе», то политическая декларация, то шутливая импровизация. Но в этом их главная и наиболее яркая особенность, их удивительное своеобразие. Для Пушкина вообще характерно стремление к таким неканонизованным, «пограничным» с художественной литературой, автобиографичным «жанрам»: его «Table-Talk», фрагменты мемуарных записей (о Державине, Д. Давыдове, Кюхельбекере и др.), «Кирджали», «Путешествие в Арзрум», дневник (в сохранившихся записях) — все это не только «лаборатория» его прозы (хотя одновременно и лаборатория), но и полноценные и полноценные литературные произведения.

Поэтому никак нельзя ограничивать роль писем Пушкина лишь «лабораторией» поисков языковых форм, как это делал, например, В. А. Малаховский: «Анализ языка писем Пушкина особенно важен для уяснения генезиса поэтической речи Пушкина. Эпистолярная проза явилась для Пушкина своеобразной лабораторией, в которой он пробовал сплавлять самые разнообразные источники русской литературной речи»³. Все это справедливо, но значение писем Пушкина отнюдь не исчерпывается язы-

¹ Г. Винокур. Культура языка. Л., 1925, стр. 13.

² Ю. Айхенвальд. Пушкин. Изд. 2. М., 1916, стр. 31.

³ В. А. Малаховский. Язык писем А. С. Пушкина. «Изв. АН СССР, Отд. обществ. наук», 1937, № 2—3, стр. 505.

ковыми поисками писателя. Они остаются самостоятельным явлением в наследии Пушкина, неповторимым и непревзойденным образцом эпистолярного жанра (сохраняя при этом все значение и для биографа, и лингвиста, и историка).

И. С. Тургенев, издавая письма Пушкина к его жене, писал: «Едва ли кто-нибудь может сомневаться в чрезвычайном интересе этих новых писем Пушкина. Не говоря уже о том, что каждая строка величайшего русского поэта должна быть дорога всем его соотечественникам; не говоря и о том, что в этих письмах — как и в прежде появившихся, так и бьет струю светлый и мужественный ум Пушкина, поражает прямота и верность его взглядов, меткость и как бы невольная красивость выражения. . .»⁴.

Живая, непосредственная интонация, непринужденность дружеских посланий Пушкина, его шуточных стихотворных обращений непосредственно идут от его писем, а часто и возникают именно на их страницах. Не менее существенно значение того сжатого и вместе с тем свободного эпистолярного стиля пушкинских писем и для его прозы, с ее лаконизмом и богатством живых, разговорных форм, столь далеких от книжной традиции его предшественников.

Письма Пушкина — это еще одна книга писателя, мало чем уступающая по своему интересу и значению его художественным произведениям. В письмах перед глазами читателя проходит вся жизнь великого поэта, запечатлены его планы, его жизненные тяготы, его душевные тревоги.

В письмах Пушкин предстает, как «живой с живыми говоря», остроумный, блестящий собеседник. Одна за другой приоткрываются страницы его нелегкой, стремительной жизни. Мы знакомимся с его друзьями, мы узнаем о нем самом то, что запечатлелось в этих небольших, пожелтевших листках, насыщенных фактами, мыслями, переживаниями.

В эпистолярном наследии русских писателей пушкинские письма стоят на первом месте как по значительности своего содержания, так и по совершенству эпистолярной манеры. Представление о Пушкине-человеке, поэте, критике, публицисте без его писем будет настолько неполным, что любой читатель (не говоря уже об исследователе), обращающийся к Пушкину, неизбежно должен ознакомиться с его письмами, чтобы глубже и полнее понять личность и творчество писателя.

Трудно представить Пушкина без его писем. Пушкина увлекающегося, иронического, пронизывающего, мгновенно схватывающего новое, главное в фактах и событиях текущей политической жизни, в литературе, в людских отношениях. Он сразу же умно и остро на них (факты, события) реагирует, и его меткие, лаконичные оценки и замечания нередко не менее значительны, чем статьи или рецензии. Мимо его внимания, кажется, не прошло ни одно событие, ни один факт окружающей жизни, ни одно сколько-нибудь примечательное печатное слово или художественное произведение.

Пушкин — великолепный мастер эпистолярного жанра.

Письмо, и в особенности письмо писателя, является своего рода литературным жанром. А в пушкинскую эпоху в особенности. В то время еще не образовался тот богатый и гибкий литературный язык, который после Пушкина уже стал общепринятым языком не только художественной, но и практической речи. Письма служили поэтому своеобразной стилистической лабораторией. В пределах очень узкого литературного круга письма ходили по рукам, перечитывались, копировались, становились достоянием тогдашнего общества.

---

⁴ И. С. Т у р г е н е в. Собрание сочинений в двенадцати томах, т. 11. М., 1956, стр. 390.

«Пушкин в высокой степени ощущает жанр письма и никогда не подмывает его другими литературными видами. Затрагивая всевозможные темы, он не переходит в другие стили. Описание, речь, пейзаж, литературный портрет, публицистика, памфлет, пародия — все это нигде не выступает в его письмах как самостоятельный жанр и только сообщает летучие штрихи для наиболее полного выявления основного эпистолярного стиля»⁵. Л. Гроссман удачно отметил «синтетический», универсальный характер пушкинских писем. Здесь и интимные признания, и дружеская шутка, и критический отзыв, и политические рассуждения, и меткая, при всей своей краткости, характеристика. И в то же время, при всей этой калейдоскопичности содержания, Пушкин неизменно чувствует «жанр» письма, неизменно краток, стремителен, сохраняет интимную непринужденность эпистолярного слога.

Письма тем были привлекательны для Пушкина, что в них он не был стеснен никакими принудительными рамками. Эта свобода, пренебрежение жанровыми нормами и правилами на деле открывали новые возможности и своеобразие эпистолярного жанра. Как удачно отметил советский исследователь писем Пушкина, за этой мнимой небрежностью — большое искусство. «Мнимая небрежность — это свобода, утверждение свободы. И это как раз то, что более всего ценит Пушкин-художник»⁶. Именно письмо и давало эту неограниченную свободу как жанрового, так и стилистического разнообразия.

Письмо отличается от любого литературного жанра своим непосредственным обращением к конкретному адресату, свободой и нерегламентированностью формы и стиля. В пушкинских письмах мы встречаемся с самой разнообразной стилистической манерой. Письма Пушкина к друзьям (в особенности письма 20-х годов) полны юмора, искрятся остроумием, пересыпаны каламбурами, стихами, шутивным «просторечием» и «вульгаризмами». Иной тон и характер имеют письма к официальным лицам, или письма, содержание которых, по весьма основательному предположению Пушкина, могло стать достоянием полицейских властей. В этих письмах он сух, сдержан, остается в рамках привычной деловой фразеологии.

В письмах к друзьям Пушкин избегает какой-либо ходульности, книжности, риторики. Он просто «выбалтывается» перед друзьями, беседует с ними со всей непринужденностью. Даже о самых серьезных вещах он говорит с насмешливой иронией, как бы не всерьез. На самом деле это, конечно, не так. Шутивный тон, принятый им в письмах, отнюдь не ослабляет значительности их содержания. Эта манера Пушкина лишь подчеркивает внутреннюю независимость, свободу и оппозиционность его суждений по отношению к официальной точке зрения, к общепринятым в светских кругах мнениям.

Домашним, непринужденным тоном дружеской беседы Пушкин подчеркивает свою чуждость господствующим взглядам, неприятие существующего порядка вещей. Он как-то шутивно писал П. А. Вяземскому, одному из своих ближайших друзей: «Милый, мне надоело тебе писать, потому что не могу являться тебе в халате нараспашку и спустя рукава»⁷ (Пушкин предполагал в данном случае, что его письмо станет известным полицейским властям). Вот именно таким дружеским разговором «в халате», чуждым всякой официальности, и являются письма Пушкина.

---

⁵ Л. Гроссман. Культура писем в эпоху Пушкина. — В кн.: Л. Гроссман. Цех пера. М., 1930, стр. 244—245.

⁶ Е. А. Маймин. Дружеская переписка Пушкина с точки зрения стилистики. «Пушкинский сборник». Псков, 1962, стр. 81.

⁷ Пушкин. Полное собрание сочинений, т. XIII. М.—Л., 1937, стр. 243. — Ссылки на это издание в дальнейшем даются в тексте с указанием тома и страницы.

Со свойственной ему тонкостью и удивительным чувством языка Пушкин ратует за создание точного и ясного слога, за создание «метафизического языка», т. е. такого, при помощи которого можно было бы выразить все оттенки мысли, все новые понятия, еще во многом неуклюже и тяжело-весно передававшиеся в силу неразработанности языка прозы, русского литературного языка. «... Образуй наш метафизический язык, — пишет он П. А. Вяземскому в 1822 г., — зарожденный в твоих письмах — а там что бог даст» (XIII, 44). Он борется за точность языка, советует, обращаясь к Дельвигу: «Дельвиг! Пиши ко мне и прозой и стихами; благословляю и поздравляю тебя — добился ты наконец до точности языка — единственной вещи, которой у тебя недоставало» (XIII, 56). Пушкин против всякой искусственности, «жеманства», порабощения русского языка иностранной речью: «Я не люблю видеть в первобытном нашем языке следы европейского жеманства и фр<анцузской> утонченности. Грубость и простота более ему пристали», — писал он П. Вяземскому в 1823 г. (XIII, 80).

В письмах Пушкин осуществил принцип, провозглашенный, но не осуществленный Карамзиным: писать, как говорят, и говорить, как пишут. В этом отношении письма явились лабораторией пушкинской прозы. В них осуществлена была уже та свобода от приукрашенного, поэтизированного прозаического стиля, которым отличалась проза Карамзина и его последователей, переносивших в прозу принципы и даже структуру поэтической речи. Пушкин придал прозе точность, лапидарность, разговорную свободу. Все эти особенности пушкинской художественной и публицистической прозы (его критических и полемических статей и исторических исследований) уже заложены в его письмах.

Для писем поэта характерна строгая, скупая фраза, лишенная внешней украшенности, точно и объективно фиксирующая главное. Уже в письмах Пушкин достигает афористической точности мысли и в то же время блестящей и броской формы ее выражения.

Вот он пишет брату Л. С. Пушкину: «Говорят, что в стихах — стихи не главное. Что же главное? Проза? Должно заранее истребить это. . .» (XIII, 152). Он признается в письме к П. А. Катенину: «Наша связь основана не на одинаковом образе мыслей, но на любви к одинаковым занятиям» (XIII, 224); он пишет П. А. Вяземскому при известии о смерти Карамзина: «Карамзин принадлежит истории» (XIII, 286).

В его письмах торжествует естественная, живая речь, непринужденная болтовня. В одном из писем к Погодину (1830 г.) он говорит: «Языку нашему надобно воли дать более — (разумеется) сообразно с духом его). И мне ваша свобода более по сердцу, чем чопорная наша правильность» (XIV, 128.)

В ранних письмах Пушкина бьет ключом его жизнерадостность, кипучее веселье. В них и шуточные экспромты и злая эпиграмма, иногда стихи непосредственно переходят в прозу. Их домашний, интимный характер подчеркнут веселым сквернословием, нарушающим всякие нормы литературной речи, жизнерадостным задором молодости. Напомним его письмо 1823 г. из Одессы к Вигелю в Кишинев, начинающееся великолепными беспремонно-насмешливыми стихами:

Проклятый город Кишинев!
Тебя бранить язык устанет.
Когда-нибудь на старый кров
Твоих запачканных домов
Небесный гром конечно грянет. . .

(XIII, 71)

Библейская откровенность этого послания, писанного в романтический период творческого становления Пушкина, уже прокладывает дорогу реализму его поэзии. Это стиховое послание сопровождается и прозаическим полусерьезным, полушутливым текстом.

Даже серьезные, деловые письма Пушкина к друзьям пересыпаны шутками, каламбурами, нередко малопристойными

Пушкин прослаивает свои письма стихами, тесно связанными с содержанием, стиховыми цитатами, приобретающими пародийный характер в фамильярно-бытовом контексте письма. Вот он пишет брату из Михайловского: «Кто думает ко мне захватить? Избави меня

От усыпителя глуща,
От пробудителя нахала!»
(XIII, 131)

Это цитата из стихотворения Пушкина «Уединение» («Блажен, кто в отдаленной сени»), которая в письме приобретает пародийный, шуточный характер.

Стихи и стихотворные цитаты еще более усиливают впечатление мозаичности, стилистической калейдоскопичности писем.

Искрящееся весельем и вместе с тем едко-ироническое остроумие Пушкина проступает буквально чуть ли не в каждой фразе.

Вот он сообщает П. В. Нащокину невеселые новости о петербургской холере и пишет: «Я не очень понимаю, какое условие мог ты заключить с Рахмановым: страховать жизнь еще на Руси в обыкновение не введено, но войдет же когда-нибудь; покамест мы не застрахованы, а застрашены. Здесь холера, то есть в Петербурге, а Царское Село оцеплено — так, как при королевских дворах, бывало, за шалости принца секли его пажа» (XIV, 178).

Узнав, что Гнедич пытался напечатать стихи в память Дельвига в болгаринской «Северной пчеле», Пушкин пишет П. А. Плетневу: «. . . как можно чертить анфологическое надгробие в нужнике? И что есть общего между поэтом Дельвигом и < . . . > чистым полицейским Фаддеем?» (XIV, 149).

Он пишет князю П. А. Вяземскому серьезное деловое письмо о литературных новостях и все его испещряет шутками и каламбурами: «Прощай князь Вертопрахин, кланяйся княгине Ветроне. . .» (XIII, 305), смешно обыгрывая наивную традицию нравоучительной литературы XVIII в. (Новикова, Сумарокова, Крылова) давать персонажам фамилии, указывающие на их нравственные качества. Заканчивая письмо, он хвалит стихи Н. М. Языкова: «Он всех нас, стариков, за пояс заткнет. — Ах каламбур! Скажи княгине, что она всю прелесть московскую за пояс заткнет, как наденет мои поясы» (накануне Пушкин послал в подарок В. Ф. Вяземской модные пояса). Мы видим как под пером, почти произвольно, рождаются у Пушкина каламбуры, остроты, шутки, столь щедро разбросанные в его письмах.

Нередко Пушкин прибегает к насмешливо-пародийному слогу, подчеркивающему непринужденность его писем, отказ от того выпяченного, книжного языка, который еще недавно господствовал и в литературе и в эпистолярном жанре. Так, он в письме к Дельвигу 1830 г. из Болдина шуточно обращается к нему, «обыгрывая» баронский титул своего лицейского друга: «Посылаю тебе, барон, вассальскую мою подать (речь идет о стихах для альманаха «Северные цветы», издававшегося Дельвигом. — Н. С.), именуемую Цветочною, по той причине, что платится она в ноябре, в самую пору цветов. Доношу тебе, моему владельцу, что нынешняя осень была детородна, и что коли твой смиренный вассал не околеет от сарацинского падежа, холерой именуемого, и занесенного нам крестовыми вой-

нами, т. е. бурлаками, то в замке твоём, „Литературной газете“, песни трубадуrow не умолкнут круглый год» (XIV, 121). Так, мешая лексику, связанную с феодально-рыцарскими отношениями («вассальская подать», «крестовые войны», «замок», «трубадуры») с понятиями и словами самого «сниженного», бытового плана («околет», «крестовые войны» оказываются «бурлаками»!) Пушкин смеется над мишурной напыщенностью самых понятий, ушедших давно в прошлое вместе с феодализмом.

Удачная шутка, bon mot, каламбур неизменно оживляют его письма, делают их особенно доходчивыми, остроумными. Его письма пересыпаны намеками, чаще всего имеющими острое и непосредственное политическое значение. Вот он сообщает из Каменки Н. И. Гнедичу о своем пребывании в этом декабристском гнезде и завершает письмо фразой, прямо намекающей на революционные события в Испании и всю атмосферу готовящейся революции в России: «Прощайте — нюхайте гишпанского табаку и чихайте громче, еще громче» (XIII, 24).

В письме к брату из Кишинева Пушкин, имея в виду свое положение политического ссыльного и поднадзорного, сообщал о необходимости обращения к императору («Августу») и при этом позволил себе смешной каламбур: «Я карабкаюсь и может быть явлюсь у вас. Но не прежде будущего года < . . . > Жуковскому я писал, он мне не отвечает, министру я писал — он и в ус не дует — о други, Августу мольбы мои несите! но Август смотрит сентябрем. . .» (XIII, 54). Каламбур, перифраза, метафора, крылатое словечко — вот основные особенности эпистолярного слога Пушкина. Он буквально за словом в карман не лезет. Узнав, что брат его лицейского товарища П. Л. Яковлев собирается издавать альманах под смешным названием «Блин», Пушкин уговаривает П. А. Вяземского дать материал для этого начинания: «Яковлев тем еще хорош, — убеждает Пушкин, — что отменно храбр и готов намазать свой блин жиром Булгарина и икрою Полевого. . .» (XIV, 139).

Узнав, что Баратынский собирается жениться, Пушкин неодобрительно пишет Вяземскому: «боюсь за его ум. Законная < . . . > род теплой шапки с ушами. Голова вся в нее уходит» (XIII, 279). Эта разговорная свобода, нередко переходящая в острую, даже грубоватую шутку, определяет тон и фразеологию пушкинских писем. Даже говоря о серьезных и важных для него вещах, Пушкин придерживается этого же непринужденного тона. Он просил Плетнева в письме из Болдина 1830 г. сообщить Дельвигу, приступившему к изданию «Литературной газеты»: «Скажи Дельвигу, чтоб он крепился; что я к нему явлюсь непременно на подмогу зимой, коли здесь не околею. Покамест он уж может заказать виньетку на дереве — изображающую меня голенького, в виде Атланта, на плечах поддерживающего „Литературную газету“» (XIV, 118).

Пушкинские письма во многом перекликаются с его точной и ясной прозой. Он и в письмах избегает громоздких синтаксических конструкций, обращаясь к кратким, лаконичным предложениям, к разговорной интонации. Они прокладывали дорогу его прозе. Однако эпистолярное наследие Пушкина во многом отлично от стиля его прозы. Письмо обладает своей спецификой. Прежде всего оно служит конкретной задаче сообщения фактов, информации адресата, чем и определяется его содержание. Кроме того, самый характер, слог письма зависит от адресата, к которому оно обращено, от степени его близости к автору.

Письмо как некий «дружеский», «домашний» жанр широко культивировалось в переписке писателей начала XIX в. П. А. Вяземский, К. Батюшков, А. И. Тургенев были подлинными виртуозами этого жанра, так что письма Пушкина имели благодарную среду и почву. При всей шутливости тона, при всей, казалось бы, легкомысленной «causerie», составлявшей их содержание, письма писателей начала XIX в. намечали новую дорогу, способствовали выработке литературного языка прозы.

Пушкин был не только одним из деятельных участников этого литературного процесса, но и во многом пошел дальше той веселой дружеской игры, в которую нередко превращались письма его друзей-современников.

Стилистическая «калейдоскопичность», пестрота, разнообразие, «sau-serie» вносят в пушкинские письма буйную жизнерадостность, полемический задор. Он не мирится с авторитетами, с общепринятым мнением, устанавливая свою шкалу ценностей, свои оценки, которые, кстати сказать, сохранили все свое значение и справедливость, тогда как «общепринятые» в его время понятия давно отошли в прошлое.

В. В. Виноградов в своем исследовании о языке Пушкина приходит к выводу, что «Пушкин пытается сделать прививку национально-бытового просторечия и простонародного языка к литературной речи и, таким образом, рационализировать ее, не разрывая связи с системой „европейского мышления,»⁸. Этот важный процесс с особенной полнотой и отчетливостью проявился в его письмах. Однако лингвистический и стилистический их анализ выходит за пределы данной работы, и я позволю себе ограничиться ссылкой на детальную разработку этих вопросов в книгах В. В. Виноградова — «Язык Пушкина» и «Стиль Пушкина», широко вобравших и материал писем.

---

⁸ В. В. Виноградов. Язык Пушкина, М., 1935, стр. 376.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

*Сборник статей
к семидесятилетию
академика В. В. ВИНОГРАДОВА*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1965